

Е.Д. Желябужский

**Александр Васильевич
Суворов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.Д. Желябужский**
Александр Васильевич Суворов / Е.Д. Желябужский – М.: Книга по Требова-
нию, 2014. – 73 с.

ISBN 978-5-458-09028-5

Александр Васильевич Суворов. Народный журнал "Грамотей"

ISBN 978-5-458-09028-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Съ этого-то времени и начнется нашъ разсказъ.

Не-смотря на ревностное откармливаніе, ребенокъ оказался слабаго тѣлосложенія, такъ что отецъ, смотря на него съ сожалѣніемъ, заранѣе предназначалъ ему сферу дѣятельности на гражданскомъ поприщѣ. Сообразно съ этимъ назначеніемъ начинается образованіе Сашки (такъ будемъ пока называть Суворова).

Въ то время на Руси существовалъ обычай записывать на службу дѣтей чуть не съ колыбели, — вѣроятно для соглашенія родительской заботливости о дѣтихъ съ постановленіемъ Петра Великаго, по которому дворяне обязаны были начинать службу военную и гражданскую съ низшихъ чиновъ. Василій Ивановичъ, не сочувствуя этому обычаю, не воспользовался имъ для своего сына. Искренно желая добра своему Сашѣ и на первомъ планѣ ставя благосостояніе Россіи, онъ не хотѣлъ, чтобъ изъ его сына сдѣлался тушедець, которыхъ и безъ того было много въ то время; онъ желалъ видѣть въ немъ настоящаго сына своему отечеству и полезнаго члена обществу, — хотѣлъ, чтобы сынъ его былъ чиновникомъ дѣльнымъ и знающимъ, и для этого заставилъ его учиться. Тогда въ Россіи за большія деньги трудно было найти хорошаго учителя. Въ силу этого обстоятельства, Василій Ивановичъ, будучи однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, самъ занялся воспитаніемъ Сашки. Подъ его руководствомъ, имѣя хорошія способности и охоту къ ученью, Саша скоро основательно изучилъ языки французскій и нѣмецкій, познакомился съ польскимъ и итальянскимъ, изучилъ математику, географію, исторію; вмѣстѣ читали они Плутарха, Корнелія Непота и другіи образцовыя сочиненія греческихъ и римскихъ писателей. Всѣ эти занятія сдѣлали изъ Сашки необыкновенно образованнаго, по тогдашнему времени, мальчика. Многіе изъ стариковъ могли бы похвалиться тѣмъ, что зналъ онъ Радовался Василій Ивановичъ,

съ любовію заглядываясь на своего умника сына; сравнивая его съ тогдашнимъ мало образованнымъ чиновнымъ людомъ, онъ заранѣе старался угадать, какъ далеко пойдетъ образованный сынъ его. Таковы всѣ вообще родители!.. И дѣйствительно, Саша пошелъ далеко, хотя и не на томъ поприщѣ, какое предназначали ему.

Видъ отца — браваго генерала и воинственные рассказы солдата-дядьки породили въ немъ сильное желаніе сдѣлаться военнымъ. Какъ и всѣ вообще дѣти, Саша охотно слушала страшные рассказы своего дядьки про тѣ сраженія, въ которыхъ тотъ бывалъ, и невольно своею живою фантазіей переносился на поля битвъ, живо представляя себѣ грохотъ барабановъ, громъ пушекъ, крики сражающихся и стоны умирающихъ; онъ до того иногда увлекался этими фантастическими образами, что забывалъ все окружающее и невѣдко, схвативши линейку или еще что-либо, начиналъ ими размахивать, какъ бы предводительствуя арміей и призывая ее въ битву.

Не мало на рѣшимость Саши идти въ военную службу повлияло и чтеніе книгъ изъ библіотеки отца, между которыми большая часть была военного содержанія. Особенно же пристрастился Саша къ Плутарху и Корнелію Непоту. Такое чтеніе настроило душу его къ высокимъ помысламъ, вселяло въ него честолюбіе и любовь къ славѣ, изъ всѣхъ родовъ которой болѣе всего ему правилась слава воинская, — и вотъ онъ принялся усердно читать походы Александра Македонскаго, Цезаря и другихъ полководцевъ древняго міра.

Случалось, утомленный, онъ засыпалъ надъ чтеніемъ о жизни какого-либо героя. И вотъ онъ снова видитъ во снѣ этого героя. Живо проносятся предъ нимъ картины событій, не задолго предъ тѣмъ прочитанныхъ, — лица какъ будто все знакомшія, онъ съ ними, кажется, жилъ. Вотъ проносятся предъ нимъ стройно молодецки-лихая кавалерія; далѣе спокойно,

али што, — сейчас пятакъ — и разотрешь, въ одинъ секунду пройдетъ, — такъ-тошь!

Молча слушалъ Саша разглагольствованія своего дидьки, не понимая, впрочемъ, что онъ говоритъ. Потирая ушибенный лобъ, онъ усиливался разгадать, какъ могла случиться такая быстрая переменна въ его положеніи, — и дѣйствительность скоро брала свое. Догадавшись, въ чемъ дѣло, Саша, помолвившись Богу, ложился спать. Часто повторялись подобныя происшествія съ Сашей, и все сильнѣе и сильнѣе становилось въ немъ желаніе идти въ военную службу и тамъ прославиться, какъ и его любимые герои древности; чаще и серьезнѣе сталъ задумываться онъ надъ планомъ привести въ исполненіе свою любимую мечту. Но долго бы пришлось ему продумать объ этомъ и, по всей вѣроятности, навсегда пришлось бы распрощаться съ своею мечтою, еслибы не помогъ ему одинъ генераль, другъ его отца. Но когда еще это случится, а мы пока взглянемъ на вышнюю жизнь нашего народнаго героя.

При сильномъ желаніи быть военнымъ, превратившемся, не смотря на несогласіе на то со стороны отца, въ увѣренность, Сашу обезкураживало одно обстоятельство: не смотря на свойственное всѣмъ вообще дѣтямъ самообольщеніе относительно своего здоровья и силы, Саша однако хорошо сознавалъ слабость своего тѣлосложенія, столь несогласнаго съ трудностями военной службы, о которой онъ уже имѣлъ достаточное понятіе изъ книгъ, и невольно приходилъ отъ этого въ отчаяніе. Однако, отчаяніе продолжалось не долго. Находчивость мальчика, сдѣлавшаяся впоследствии отличительною чертою его характера и не мало помогавшая ему одерживать почти невѣроятныя побѣды, помогла-такъ найти средство пособить горю.

Между его любимыми героями, съ которыми онъ постоянно сравнивалъ себя, нашлись и такіе, которые, не смотря на

слабость своей организаціи, удачно переносили всѣ трудности военнаго быта, заранѣе укрѣпивши тѣло свое различными упражненіями. До невѣроятности успѣчивый доселѣ въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, теперь онъ положилъ себѣ за правило часть времени удѣлять и на тѣлесныя упражненія. Скоро купанье до глубокой осени, бѣганье и ѣзда верхомъ сдѣлались его любимыми забавами. Горе пришло дядкѣ Гаврилычу. Не влюбуется, бывало, онъ на своего смирнаго воспитанника Сашу, а теперь откуда что берется?... Лишь выйдутъ на улицу,—глядитъ, а Саша далеко уже отъ него бѣжитъ, припрыгивая на одной ногѣ, черезъ канаву на лугъ, а тамъ роща, и Саша карабкается на первое попавшееся дерево; не успѣлъ еще Гаврилычъ дойти до него, а Саша уже купается въ протекающей тутъ же рѣчкѣ. Насилу-то вышелъ оттуда Саша. Уже чѣмъ-ничѣмъ пыталъ его Гаврилычъ: и увѣщаніями-то, и угрозою сказать папашѣ,—ничто не беретъ; пришлось дожидаться, пока Саша самъ захочетъ выйти. Одѣлся; пошла: Саша, по обыкновенію, припрыгивая на одной ногѣ, Гаврилычъ — лѣнливо плетется шагъ за шагомъ и, уныло понуривъ голову, раздумываетъ о быстрой переменѣ нѣ своего воспитанника. Оглянулся—гдѣ Саша? А его уже и слѣдъ простылъ. Возвращаясь съ купанья, онъ замѣтилъ въ сторонѣ крестьянскую лошадь, съ большимъ аппетитомъ лакомящуюся сочною травой на господскомъ лугу. Живо къ ней: погладилъ, поласкалъ, распуталъ ноги, быстро вскопчилъ ей на спяцу—и пошла писать.

— Лясанъ Василичъ! Батюшка! Да побойтесь вы хоть Бога-то,—ну, гдѣ это видано?... Ахъ ты, Господи! Да остановитесь же! кричалъ Гаврилычъ, запыхавшись и бѣгая за своимъ питомцемъ по лугу.—И что это такое сдѣлалось съ нимъ: такой сталъ упрямый, прости Господи, ни въ жизнь-то не послушаетъ. Сызмальства ужъ такой, а што-то большой будетъ! разсуждаетъ Гаврилычъ, остановившись въ недоумѣ-

вающей позѣ. А Саша между тѣмъ, не-смотря на отчаянные возгласы своего дядьки, катаетъ во всю прыть — да и на, пока, наконецъ, пзмученная и вся взмыленная лошадь не отказывала въ повиновеніи своему всаднику. Такими-то и подобными упражненіями Саша старался укрѣпить свое тѣло, неуклонно преслѣдуя свою цѣль.

Занятый этими упражненіями, онъ однако не оставлялъ книгъ и съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и прежде, занимался ими; только занятія его въ этомъ случаѣ сдѣлались теперь опредѣленнѣе и осмысленнѣе. Болѣе времени онъ отдавалъ теперь книгамъ военнаго содержанія и со всевозможнымъ стараніемъ добивался знаній, могущихъ понадобиться въ военной службѣ; теперь свои любимыя книги онъ читалъ не просто какъ содержащія въ себѣ лѣтописи славныхъ дѣлъ пзвѣстныхъ мужей, но со вниманіемъ слѣди за ходомъ событія. Читая описаніе какой-либо войны, онъ бралъ карту и внимательно слѣдилъ по ней за движеніемъ войскъ, чертилъ планы битвъ, пересматривалъ, снова составлялъ. Последнее привело его къ тому убѣжденію, что никакой планъ, заранѣе составленный, какъ бы ни былъ онъ хорошъ, не дастъ побѣды полководцу, если тотъ не съумѣетъ сообразить случайностей. Въ подобныхъ занятіяхъ Саша проводилъ большую часть времени и отдавался имъ всецѣло, не развлекаясь ничѣмъ постороннимъ. Его постояннымъ правиломъ было не начпвать другаго дѣла, пока не сдѣлалъ одного: «За двумя зайцами погонись, говорилъ онъ, — ни одного не поймашь; поймай перваго, который ближе къ тебѣ, а тамъ и другою, можетъ, будетъ твой». Это хорошее правило впоследствии очень много помогало Суворову въ удачномъ выполнении возлагаемыхъ на него порученій.

Отдавшись весь своимъ занятіямъ, Саша дорожилъ для нихъ каждою минутой, а потому терпѣть не могъ баловъ и прурешекъ, которые случались иногда у его отца. При пер-

вомъ появленіи гостей, онъ заперся въ своей комнатѣ, обкладывая себя книгамъ, географическими картамъ, ложился на полу посреди ихъ, какъ въ крѣпости, и тогда никакими убѣжденіями нельзя было вызвать его къ гостямъ. Углубленный въ предметъ занятій, онъ какъ бы не слышалъ и не видалъ ничего около себя. Разъ какъ-то въ то время, когда онъ, лежа на полу, читалъ свои книги, въ шутку унесли у него со стола все, что на немъ было, и онъ замѣтилъ такую продолку только тогда, когда пересталъ заниматься.

Начали судить о странномъ поведеніи Саши. Нѣкоторые осуждали его за чрезмѣрное пристрастіе къ книгамъ, и это были люди, обрекавшіе дворянство на невѣжество, считая науки недостойными его; но нашлись двое изъ гостей, которые восхищались Сашей; одинъ изъ нихъ выразилъ даже желаніе расцѣловать его. Дядька, не-смотря на причиняемыя иногда ему питомцемъ хлопоты, все-таки искренно привязанный къ нему, подхвативши эти слова, побѣждалъ въ комнату Саши.

— Ликсанъ Василичъ, пожалуйста выпзъ, васъ тамъ расцѣлуютъ!

Саша, конечно, не могъ не слышать, но не отвѣчалъ: подобнаго рода тревога была уже не въ первый разъ, и Саша не хотѣлъ для отвѣта прерывать своихъ занятій. Но дядька не думалъ на этотъ разъ скоро отстать отъ своего воспитанника и, придумывая, какъ бы добраться до него, началъ ходить вокругъ Саши, обложеннаго, по обыкновенію, со всѣхъ сторонъ книгамъ и картами. Нагнувшись, чтобы дотронуться до его плеча, усердный хлопотунъ нечаянно какъ-то вырвалъ изъ рукъ платье, которое было приготовилъ для своего барчика,—и прямо на карту, по которой тотъ въ то время водилъ пальцемъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? сказалъ наконецъ Саша, сердито взглянувши на оторопѣвшаго дядьку.

— Да васъ тамъ расцѣлютъ....

— Убирайся ты съ своимъ поцѣлуемъ! Пусть тебя расцѣлютъ, если пмъ припала охота цѣловаться.... Перебилъ на самомъ интересномъ мѣстѣ: я только-что шелъ- было съ войскомъ пзъ одного города въ другой, а онъ и завалилъ все своимъ платьемъ!

Пошелъ дядька отъ Саши, какъ несолоно хлебаль, и объявилъ гостямъ, что Александру Васильевичу цѣловаться теперь некогда, —идеть съ войскомъ въ городъ. Не рѣдко повторялись такія сцены, и Сашу црзвали нелюднымъ, хотя вовсе не нелюдимство, какъ мы уже сказали, было причиною его нелюбви къ гостямъ.

Такой образъ жизни Саши сильно тревожилъ отца его, который во что бы то ни стало все еще хотѣлъ опредѣлить своего сына въ гражданскую службу и уже мысленно перебиралъ своихъ знакомыхъ, ища между ними такихъ, которые бы могли посодѣйствовать ему въ этомъ. У старика былъ другъ и сослуживецъ, генералъ Ганнибалъ (арабъ, купленный Петромъ Великимъ *)); его-то и хотѣлъ-было Василій Ива-

*) Авраамъ Петровичъ Ганнибалъ, Негръ, родившійся въ эпопной Африкѣ; на восьмомъ году своего возраста былъ похищенъ оттуда, привезенъ въ Константинополь, гдѣ купилъ его тамошній російскій посланникъ и прислалъ въ С.-Петербургъ къ Петру Великому. Государь приказалъ окрестить его, самъ былъ воспріемникомъ его отъ купели и назвалъ Ганнибаломъ, въ память славнаго Кароагенскаго полководца. Полюбивъ крестника за расторопность, остроту и чрезвычайную чуткость, онъ сдѣлалъ его своимъ камердиверомъ. Ганнибалъ долженъ былъ почевать съ государемъ въ спальнѣ для разныхъ услугъ. Онъ разсказывалъ, что въ это время Петръ, просыпался, часто приказывалъ ему подносить себѣ свѣчу и аспидную доску, на которой записывалъ то, что ему нужно было, а послѣ, когда юный Негръ выучился русской грамотѣ, заставлялъ уже его записывать свои приказанія. Впоследствии времени, желая образовать умъ своего крестника, онъ отправилъ его въ Парижъ. Копчивъ тамъ науки съ успѣхомъ, въ особенности по части ивжеверной, Ганнибалъ, съ высочайшаго соизволенія,

новичъ просить убѣдить Сашу пойти въ гражданскую службу и похлопотать объ опредѣленіи его. Но такова воля судьбы: кто избранъ былъ орудіемъ къ разрѣшенію любимой мечты Сашинной, тотъ-то и способствовалъ къ осуществленію ея.

Василій Ивановичъ однажды разсказалъ своему другу всю повѣсть своего Саши и просилъ его быть посредникомъ между ними. Ганнибалъ согласился. Нечаянно вошелъ онъ въ комнату Саши и, заставши его за книгами и планами, разсмотрѣлъ, чѣмъ онъ занимается, разговорился съ нимъ и, какъ человекъ умный, ясно понялъ желаніе Саши сдѣлаться военнымъ. Желаніе это было не пустая дѣтская мечта, по

ступилъ во французскую службу, участвовалъ въ войнѣ Испанской, былъ раненъ въ голову и возвратился въ Парижъ, гдѣ, предавшись всѣмъ удовольствіямъ этой шумной столицы, забылся до того, что не хотѣлъ ѣхать обратно въ Россію, болсъ гнѣва Государя; но Петръ велѣлъ увѣрить его, что онъ можетъ возвратиться безъ всякаго опасенія. Ганнибалъ пріѣхалъ и явился къ Государю во французскомъ мундирѣ. Петръ сдержалъ свое слово, привилъ его милостиво и опредѣлилъ поручикомъ въ бомбардирскую роту, состоящую при Преображенскомъ полку. По кончинѣ государя, Екатерины I приказала Ганнибалу обучать математикѣ великаго князя Петра Алексѣевича. Вскорѣ онъ возсталъ противъ себя Мелшкова, тогда всемогущаго, который удалилъ его (1727 г.) въ Сибирь, подъ предлогомъ построенія города Селенгинска на другомъ мѣстѣ. Ганнибалъ, точно, прибылъ въ назначенное мѣсто, но не исполнялъ даннаго повелѣнія; отыпался непопытностью, онъ отправился обратно въ Петербургъ, однакожь былъ возвращенъ съ дороги опять въ Селенгинскъ, и въ 1729 году сослали его въ Томскъ, гдѣ содержали подъ стражею, выдавалъ ему на продовольствіе по 10 копѣекъ въ мѣсяцъ. По вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, Ганнибалъ бѣжалъ изъ мѣста своего заточенія, пріѣхалъ въ Петербургъ, явился къ графу Миниху, который присовѣтовалъ ему оставить столицу и скрыться куда-нибудь въ деревню, потому что Биронъ, управлявшій тогда кормиломъ государства, также не любилъ его. Ганнибалъ послѣдовалъ этому совѣту и въ уединеніи занимался сочиненіемъ, на французскомъ языкѣ, записокъ своей жизни; но одинъ

болѣе или менѣе обдуманное, серьезное намѣреніе. Восхищенный знаніями сына своего друга, вмѣсто того, чтобъ отговаривать его отъ военной службы, самъ же вызвался ходатайствовать за Сашу у отца. Возвратясь къ Василію Ивановичу, онъ началъ краснорѣчиво доказывать ему, какъ не хорошо пдти противъ призванія ребенка — поступить въ военную службу—и принуждать къ тому, къ чему онъ вовсе не чувствуетъ ни малѣйшаго расположенія, и просилъ его не препятствовать Сашѣ. Послѣ долгихъ увѣщаній съ одной стороны и колебаній — съ другой, наконецъ, рѣшена была судьба Сашки. Позвали его внизъ и, помолившись Богу, благословили на военные подвиги. Внѣ себя отъ радости, со слезами на глазахъ, Саша благодарилъ отца и старика Ганни-

разъ, услышавъ звуки ямскаго колокольчика близъ деревни, онъ вообразилъ, что курьеръ пріѣхалъ за нимъ, и сжегъ свою рукопись, которая должна быть любопытною. Наконецъ императрица Елизавета Петровна возвратила свободу любимцу своего родителя, опредѣлила его оберъ-комендантомъ въ Ревель (1743 г.), а потомъ генераль-инженеромъ (1756 г.), украсила его орденомъ св. Александра Невскаго (30 августа 1760 г.) и наконецъ произвела въ генераль-аншефы. Уже при Екатеринѣ II преклонная старость заставила его просить увольненія отъ службы, которое онъ и получилъ 9 июля 1862 года. Послѣ этого онъ жилъ еще 20 лѣтъ. Онъ умеръ въ 1782 году на 92-мъ отъ рожденія. Гаввибалъ, какъ Петръ, былъ нрава горячаго, ревниваго и скупъ до чрезвычайности; онъ любилъ вспоминать о своемъ младенствѣ, о жизни африканской; помнилъ, какъ приводили къ отцу его 19 старшихъ его братьевъ, съ завязанными за спину руками, потому что они осуждены были на продажу въ неволю; какъ онъ одинъ наслаждался свободою подъ фонтанами родительскаго дома; какъ любимая сестра его, Логанъ, плыла долго за кораблемъ, на которомъ его увлекали. О Петрѣ Великомъ всегда говорилъ онъ съ восторгомъ и со слезами. Славный нашъ поэтъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, былъ правнукъ Гаввибала и оставилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни своего прародителя въ примѣчаніяхъ къ первой главѣ «Опѣгшиа» (Энциклоп. Лексик. Плюшара, т. XIII).